

АНАМЕЛИ САЛЬГАДО РЕЙЕС

МОЯ МАТЬ ПРОКЛЯЛА МОЕ ИМЯ

Роман

Перевод с английского

Натальи Лихачевой

phantom press

Москва

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)
P35

MY MOTHER CURSED MY NAME by ANAMELY SALGADO REYES

Copyright © 2024 by Anamely Salgado Reyes

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Эта книга является художественным произведением. Имена, персонажи, места и события являются плодом воображения автора, и любые совпадения с реальными событиями, местами или людьми, живыми или мертвыми, случайны.

Книга издана при содействии Литературного агентства Эндрю Нюриберга

Перевод с английского НАТАЛЬИ ЛИХАЧЕВОЙ

Редактор АЛЛА МОТИНА

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Анамели Сальгадо Рейес

P35 Моя мать прокляла мое имя: Роман / Пер. с англ. Н. Лихачевой. — М.: Фантом Пресс, 2025. — 480 с.

Теплая и чуть колдовская семейная история о трех поколениях женщин, которые никак не могут договориться между собой и с прошлым. В центре сюжета — три «девочки» семьи Оливарес, каждая со своими тайнами, обидами и маленькими чудесами. Здесь есть и юмор, и магический реализм, и те самые «вторые шансы», которые дают возможность исправить старые ошибки. На протяжении поколений женщины Оливарес стремились контролировать судьбы своих дочерей, начиная с их имен. Суровая Ольвидо постоянно конфликтовала со своей беззаботной дочерью Ангустиас. Юная Ангустиас, родив дочь, покинула дом матери и отправилась на поиски своего собственного. Ее дочь Фелиситас никогда не видела бабушку, лишь несколько раз разговаривала с ней по телефону. Когда же она наконец-то встречается бабушку, та оказывается суровой, саркастичной и... мертвой. Распутывая клубок из тайн, взаимных претензий, сожалений, чувства вины и стремления наладить отношения, «девочки» Оливарес постепенно учатся по-настоящему слушать друг друга, пытаются преодолеть свои ошибки и исправить чужие, совершенные из лучших побуждений, и познают истинное значение слова «дом».

Эта книга — как уютный вечер в кругу родных, где вместе и смеются, и спорят, и тихо верят в то, что настоящая магия живет в нашем общении друг с другом.

ISBN 978-5-907943-04-9

© Наталья Лихачева, перевод, 2025

© Андрей Бондаренко, художественное оформление, макет, 2025

© “Фантом Пресс”, издание, 2025

Глава 1

Ангустиас

На протяжении нескольких поколений женщины из рода Оливарес пытались изменить ход судьбы с помощью имен. Все они славилась упрямством, однако явно недооценивали, насколько эта же черта присуща судьбе. В результате ни одна попытка не увенчалась успехом и женщины Оливарес так и не смогли управлять ни своей жизнью, ни, что самое важное, жизнью своих дочерей.

А началось все 18 июня 1917 года, когда Хуста¹ Оливарес, женщина жестокая и несправедливая, решила назвать новорожденную дочь Каламидадес². Хуста рассудила, что поскольку жизнь была немилосердна к ней, то и дочери незачем жить лучше. Ничего дурного в своем выборе она не усматривала. Напротив, Хуста убедила себя, что это настоящий подарок, ведь в несчастьях можно обрести мудрость

1 *Justa* — испанский вариант латинского имени *Justine* (Юстина), означающего “справедливая”. — Здесь и далее примеч. перев.

2 *Calamidades* — беды, несчастья (исп.).

и стойкость, если приложить достаточно усилий, чтобы видеть в них не только боль.

В жизни Каламидадес Оливарес не случилось ни одного несчастья, за исключением ночи, когда она родилась, а мать умерла, держа на руках спящую дочь. На следующий день ее богатая и одинокая тетушка по имени Дария удочерила Каламидадес, а позже сделала своей единственной наследницей. Поскольку Дария дала племяннице кров, мудрость и любовь — три составляющие, необходимые для того, чтобы сердце не ожесточилось, — девочка выросла без обиды на мать и выбранное ею имя. Каламидадес полагала, что Хуста была права. Несчастья могут быть подарком, просто она такого никогда не получала.

Судьба позаботилась, чтобы беды обошли Каламидадес стороной. Когда на северо-восток Мексики обрушился ураган, ее родной прибрежный город Матаморос ни капли не пострадал. Десять лет спустя, когда регион накрыла пятилетняя засуха, раз в месяц именно над домом Каламидадес обязательно шел дождь. Через шесть лет после окончания засухи регион пережил нашествие смертельно опасных ос, но если бы вы спросили жителей Матамороса, как выглядят эти ужасные насекомые, они не смогли бы ответить. Осиный рой пронесся прямо над городской чертой, не оставив ни жертв, ни следов этой напасти.

В возрасте двадцати шести лет Каламидадес родила прекрасную дочь, которую доктор провозгласил самым здоровым ребенком из всех, кого ему довелось принимать. Каламидадес назвала девочку Викторией, чтобы та могла одерживать победу в любом

начинании. Пребывая в уверенности, что дочь здорова, в безопасности и ей на роду написано побеждать, Каламидадес мирно скончалась во сне в свой тридцатый день рождения.

Виктория Оливарес оказалась неспособна добиться успеха ни в чем, за что бы ни бралась, и, чем выше были ставки, тем печальнее последствия. Она проваливала почти все экзамены в школе, оказывалась лишней, когда на детской площадке формировали команды, ни разу не выиграла в *damas chinas*¹ у двоюродной бабушки Дарии, с которой прожила десять лет, пока та не скончалась от старости. Сколько бы усилий она ни прикладывала — а усилий было немало, учитывая, как пострадал ее дух под гнетом жизненных обстоятельств, — Виктория раз за разом терпела неудачу. В пять лет она решила полетать, упала и сломала руку в трех местах. В пятнадцать впервые готовила себе обед и спалила дом. А в восемнадцать пристрастилась к азартным играм и до последнего цента просадила наследство, доставшееся от двоюродной бабушки.

Из-за того что Виктория так плохо училась в школе, она не смогла найти работу с приличной зарплатой, которая покрывала бы ее долги. Она начала занимать деньги под проценты, что стало спасательным кругом, но когда осознала, что в конце концов это ее и погубит, решила воспользоваться помощью Небес.

Пытаясь изменить судьбу, Виктория назвала свою дочь Ольвидо, в честь *Nuestra Señora del Olvido* — Девы

1 Китайские шашки, вариант логической игры “уголки”.

Марии Забвения, надеясь, что все ее грехи, а самое главное, долги будут прощены и забыты. Но ничего подобного не произошло, и Ольвидо была вынуждена эмигрировать в Америку, спасаясь от ростовщиков, требующих все больше денег даже после смерти Виктории.

Неся на себе бремя ошибок матери, Ольвидо выросла женщиной суровой и злопамятной. Она не прощала и не забывала любую несправедливость, материнский эгоизм, неблагоприятные поступки мужа, а позже и промахи дочери. Единственной ошибкой, с которой Ольвидо научилась мириться, стало неправильное произношение ее имени американцами.

— Ол-вии-до, — пытались выговорить посетители закусочной, в которой она работала официанткой. — Очень красиво. А что это означает?

— Забвение.

Посетители обменивались удивленными взглядами и хихикали:

— Не может быть, чтобы это было настоящее имя.

— Очень даже может, — уверяла их Ольвидо, хлопывая по именному бейджу. — Поезжайте в Мексику, еще и не такое услышите. Вам тортильи из кукурузной или пшеничной муки?

Чтоб дочь не стала такой же безрассудной, как Виктория Оливарес, Ольвидо назвала малышку Ангустиас¹. Она надеялась, что постоянное состояние тревоги заставит дочь думать, прежде чем действовать, и предотвратит новые несчастья в семье, однако про-

¹ *Angustias* — тревоги, страдания (исп.).

изошло обратное. Ангустиас Оливарес росла веселой и беззаботной. В свой первый день в детском саду, когда другие новички рыдали, переживая из-за перспективы расстаться с родителями, Ангустиас утешала мать и уверяла, что с ней все будет хорошо. В то время как соседские дети дрожали от страха перед надвигающимся ураганом и наперебой рассказывали, как их родители накупили горы еды и закололи дома, чтобы пережить конец света, Ангустиас играла на улице до тех пор, пока ветер не начинал сбивать ее с ног. В тот вечер, когда девочка впервые столкнулась с ураганом, Ольвидо пришлось затащить брыкающуюся и орущую Ангустиас в дом и заклеить дверные замки скотчем, чтобы та не сбежала.

В школу Ангустиас всегда приходила за минуту до начала уроков, к экзаменам готовилась в последний момент, перед учителями извинялась тоже в последний момент, чудом избегая взбучки в кабинете директора, но при этом никогда не испытывала ни тени беспокойства. Это чувство было абсолютно незнакомо Ангустиас, потому, когда ей исполнилось шестнадцать и она обнаружила, что беременна, радости ее не было предела. Ну а Ольвидо чуть не сторела со стыда.

Имя следующей представительницы рода Оливарес появилось благодаря божественному вмешательству. Ангустиас сидела на пассажирском сиденье в машине своего парня и захлеб рассказывала о фильме, на который они собирались пойти, как вдруг ей ужасно захотелось чего-нибудь кисленького: маринованных огурчиков, мармеладных червячков или лимонада. Она приказала другу остановить машину

и развернуться — они проехали заправку несколько миль назад. Парень отказался под предлогом, что они опоздают в кино.

Ангустиас в бешенстве повернулась и потянула ручку дверцы на себя. Толкать дверь она не стала, но всем своим видом продемонстрировала серьезность намерений. Желание съесть чего-нибудь кислого становилось нестерпимым, так что она пригрозила выпрыгнуть из машины и пешком дойти до заправки, если он немедленно ее туда не отвезет.

— *No quieres que tu hija salga con cara de pepinillo, ¿verdad?*¹ — сердито спросила она.

Парень уставился на нее в недоумении. Он неплохо понимал испанский, но смысл мексиканских выражений обычно оставался для него загадкой.

— Если не утолять свои желания во время беременности, ребенок родится похожим на ту еду, которую тебе хотелось, — объяснила Ангустиас.

Друг сморщил нос:

— Ерунда какая-то.

— Вовсе нет, — возразила Ангустиас. Конечно, мексиканские народные приметы иногда звучали глупо, но они несли в себе мудрость сотен поколений. А с мудростью сотен поколений не поспоришь, если только ты не тупой и не безрассудный. Ангустиас можно было назвать безрассудной, но точно не тупой.

— Ну, допустим, тебе захочется манго.

— У ребенка будет желтуха.

1 Ты же не хочешь, чтобы твоя дочь была похожа на огурец, правда? (исп.)

Парень хихикнул.

— Это не смешно. Это, — Ангустиас ткнула пальцем в живот, давая понять, что речь идет и о ребенке, и о ее аппетите, — очень серьезно.

— Значит, если ты считаешь, что малышка будет похожа на огурец, у нее будут... прыщи?

— Возможно. А если над ней будут издеваться из-за этого? Ты сможешь с этим жить?

Парень закатил глаза, но все же помотал головой.

Один запрещенный поворот и десять долларов спустя Ангустиас наконец стала обладательницей кислых лакомств. Успокоившись, она смогла более вдумчиво поразмышлять над своим внезапным желанием. “Может быть, все не так буквально”, — сказала она, отхлебывая лимонад. И тут ее осенило, причем столь же внезапно. Ангустиас ахнула от ужаса, а ее парень в изумлении вильнул влево и чуть было не врезался во встречный автомобиль.

Мироздание, или бог, или кто там отвечает за подобные знаки, сообщал Ангустиас, что ее дочь будет вечно недовольной и неприветливой особой, причем весьма неприветливой, учитывая обстоятельства. Ангустиас не желала мириться с тем, что такое ужасное предзнаменование может сбыться, и тут же решила, что назовет дочь Фелиситас¹.

Несмотря на знак свыше, Фелиситас Оливарес не стала угрюмым ребенком. Однако родилась она с кислым выражением лица. Увидев ее, акушерка сразу почувствовала осуждение и подумала, что, быть может, малышка вовсе не собиралась появляться на

1 *Felicitas* — удача, счастье, радость (лат.).

свет именно сейчас. Купая и пеленая Фелиситас, медсестры испытывали сомнения в правильности своих действий. Иначе почему ребенок выглядит таким расстроенным? Одна из них даже дала себе зарок хорошенько подумать, прежде чем заводить детей. Если ей настолько не по себе от недовольства чужого ребенка, как же она выдержит неодобрение собственного?

Теперь как минимум трижды в день Ангустиас приходится тереть лоб дочери, напоминая ей о необходимости перестать хмуриться.

— Ты станешь первой десятилетней девочкой в мире, у которой появятся морщины, — говорит она Фелиситас, отправляя ее утром в школу. Приподнимается, тянет руку через кухонный стол и разглаживает складочку между бровями.

— Ничего страшного. — Фелиситас отмахивается от ее руки. — Морщины — признак мудрости.

— Откуда ты знаешь? — удивляется Ангустиас. Не обращая внимания на протесты дочери, она тщательно проводит большим пальцем по бровям девочки. Как только Ангустиас садится обратно, дочь снова хмурится. Но это не повод для серьезного беспокойства. Утренняя хмурость Фелиситас не более чем скверная привычка, а вовсе не признак гнева. Ангустиас может судить об этом по бледно-желтому облаку над макушкой дочери. Более теплый тон был бы идеальным, но сейчас утро и ей надо идти в школу. Любой оттенок желтого можно считать благословением.